УДК 791"17"

Г. Ю. Литвинцева

Новые направления культурно-досуговой деятельности в Петровскую эпоху

Статья посвящена преобразованиям Петра I в сфере досуга. В новых направлениях культурно-досуговой деятельности – библиотечное и музейное дело, система государственных праздников, театральное дело, формы общения и развлечений – отразились основные проблемы и противоречия, которые возникли в Петровскую эпоху в результате ломки традиционного уклада жизни, насильственного перевода мышления русских дворян в европейскую мифологическую систему. В статье делается акцент на особую роль «всешутейшего собора» в реализации программы «европеизации русского общества», эпатажная деятельность которого была направлена на уничтожение традиционных и формирование новых культурно-досуговых ценностей.

Ключевые слова: реформа Петра I, регламентация досуга, направления культурно-досуговой деятельности, европеизация досуга, противоречия культурно-досуговой деятельности.

G. Y. Lytvintseva

Leisure activity during the epoch of Peter the Great

This article describes the reforms of Peter I in the field of entertainment. The new types of cultural and leisure activities were introduced in the following spheres: library and museum, system of state holidays, theater, communication and entertainment types. These new activities reflect the main problems and contradictions that resulted in the epoch of Peter the Great from transformation of traditional way of life, mandatory change of Russian noblemen's thinking so as to comply with the European mythological system. The article places emphasis on particular role of «vseshuteyshy sobor» (i. e. jokey organization) that took part in realization of the program, i. e. «europezation of the Russian society»; their scandalous operation was targeted at destroying the traditional values and building the new system of cultural and leisure activities.

Keywords: reform of Peter I, regulation of the leisure activity, types of cultural and leisure activities, europezation of the leisure activities, contradictions in the cultural and leisure activities.

Петровские преобразования во многом являлись продолжением начавшихся изменений в культурной жизни русского общества XVII в. Следует отметить, что именно в XVII столетии началось активное проникновение на Русь западноевропейской культуры, породившее глубокие проблемы и противоречия во всех сферах жизнедеятельности русского общества. В Петровскую эпоху эти проблемы приобрели более острый характер, поскольку европейские ценности становятся ведущими, а традиционные объявляются устаревшими и негодными. Одним словом, Петр I направляет свои усилия на построение «новой» русской культуры и предлагает целую программу ее европеизации. Огромное значение великий преобразователь придавал сфере досуга, именно через нее он приобщает русских дворян к европейской культуре. Таким образом, Петр I предстает перед нами новатором и основателем новых направлений культурно-досуговой деятельности, непосредственным образом связанных с европейскими традициями.

Прежде всего, новаторство Петра I проявилось в организации музейного и библиотечного дела. С 1714 г. Петр начинает собирать библиотеку, которую по праву можно считать родоначальницей Библиотеки Академии наук. Ее фонды сложились из медицинских книг Аптекарского приказа, исторических, богословских, научных книг, привезенных Шумахером из-за границы. С 1718 г. библиотека значительно увеличилась за счет частных коллекций: библиотеки царевича Алексея, книг лейб-медика Арескина и др. Вначале библиотека размещалась в служебных помещениях Летнего сада, а с 1718 г. она становится доступной для общественного пользования, и ей отводится специальное помещение в палатах Кикина у Смольного двора. Сохранились свидетельства современников-европейцев, которые считали библиотеку главной достопримечательностью Петербурга. Так в 1720 г. анонимный дипломат в составе польского посольства следующим образом выразил свои впечатления о библиотеке: «В ней есть книги, возрастом в полторы тысячи

лет, как высчитали отцы иезуиты. Больше всего греческих, есть также много книг, напечатанных на славянском языке. Другие труды относятся к военному искусству и содержат [описание] новых способов, как атаковать города, замки и иные крепости. Много таких [книг] его величество царь повелел напечатать для молодежи. Кроме того, здесь находятся старые немецкие библии и много книг латинских, немецких, французских и русских…»[1]. Постепенно в Петербурге формируются частные библиотеки – Я. В. Брюса, П. П. Шафирова, А. Д. Меншикова, А. А. Матвеева, Ф. Прокоповича.

Первым музеем в России стала Кунсткамера. Еще в первое свое путешествие за границу Петр накупил массу всяких раритетов и курьезных диковин, начиная от заспиртованных уродов, морских раковин и кончая очень дельными коллекциями по естествознанию. Во второе путешествие в 1716 г. Петр покупает коллекции и собрания, имеющие естественно-научное значение. 13 февраля 1718 г. был издан именной указ «о приносе родившихся уродов, также найденных необыкновенных вещах во всех городах к губернаторам и комендантам»[2]. Для создания Кунсткамеры, как было названо собрание редкостей из области «раритетов, монстров и куриозите», Петр прибегнул к усердию своих подданных. Но, несмотря на его внушения о том, что уроды появляются «от повреждения внутреннего, так же от страха и мнения матерняго во время бремени, как тому многие есть примеры», люди традиционного склада не спешили присылать эти необычные «экспонаты», так как для них родившиеся уроды являлись сатанинским отродьем. Учитывая психологию людей, Петр в указе предлагал большие деньги: за живого человеческого урода 100 рублей, за мертвого 10 рублей, за живого урода из животных 15 рублей, а за мертвых по 5 рублей. Точно в таком же размере полагался и штраф за утайку, причем деньги шли в пользу доносчика. Для Кунсткамеры Петр выделил временное помещение, и она открылась для посетителей. Сохранилось предание, что для привлечения посетителей предлагалось угощение вином, но и эта приманка мало кого могла заманить.

В Петровскую эпоху было положено начало и другим музеям. В 1702 г. Петр издает указ о сборе и хранении артиллерийских орудий и прочего оружия, в том числе трофейных пушек и знамен в цейхгаузе Петропавловской крепости. Это собрание стало родоначальником современного Военно-исторического музея артиллерии. Тогда же, по приказу Петра, стали собирать коллекции, впоследствии положившие начало Военно-морскому музею. В дворцовом сооружении Монплезир, находящемся в Нижнем парке Петродворца, преобразователь основывает и первую в России картинную галерею. В нее вошли картины западноевропейских художников XVII – начала XVIII в., которые Петр приобрел во время заграничного путешествия. Особенно Петр любил морские пейзажи Адама Сило, в которых безукоризненно точно изображалась оснастка парусных кораблей.

Петр I постоянно искал новые формы и методы преобразовательного воздействия на общество, которые отражали бы его великие деяния «на пользу государству» и служили поддержкой его реформ. Первенствующую роль в такой пропаганде играли викториальные праздники, посвященные победам русской армии в Северной войне. Создавая грандиозные зрелища, Петр ставил перед собой цель «приобретения… себе чести от народа, и для утверждения к ревностному приятию тех дел, которые повседневно Его величество ко всенародной пользе утверждал»[3].

Новые викториальные праздники положили начало образованию системы государственных праздников. До Петровской эпохи праздники носили ярко выраженный религиозный характер и были связаны с православными ценностями. Важнейшие составные части викториальных праздников – триумфальные шествия войск, маскарады, фейерверки, театральные действа – были призваны продемонстрировать величие деяний Петра, отразить славу и доблесть русского флота и армии, увековечить их победы.

Викториальные праздники заключали в себе определенные агитационные идеи, выраженные в аллегорической форме и насыщенные европейской символикой. Петр учитывал то обстоятельство, что русские люди привыкли иметь дело только с библейскими символами и параллелями и новые аллегории и символы будут непонятны им. Поэтому еще с первых лет существования типографии велел перевести на русский язык и напечатать ряд иконического курса, снабженного рисунками. Так, например, префект Славяно-греко-латинской академии Иосиф Туробойский следующим образом обращался к православному читателю, описывая символику триумфальных ворот по случаю взя-

тия Нарвы: «Не от божественных писаний, но от мирских историй, не святыми иконами, но и от историков преданными или от смехотворцев вымышленными лицами и подобляет от зверей, гадов, птиц, древес и прочих…»[4].

Местом действия праздников были Петербург и Москва. Уже в 1696 г. в торжествах по случаю побед русских войск под Азовом наметились основные элементы и составные части будущих празднеств. По распоряжению Петра мастер «Иван Салтанов со товарищи» построил невиданные врата: громадные резные статуи Геркулеса и Марса поддерживали их свод, везде были диковинные для народа эмблемы и аллегории, наглядные картины, о которых известно со слов Желебужского: «На каменном мосту Всесвятском, на башне сделана оказа Азовского взятия, и их пашам персуны написаны живописным письмом, также на холстине левкашено живописным же письмом, как что было под Азовом, перед башнею по обе стороны»[5].

Интересно описание триумфальных ворот, воздвигнутых в честь победы в Полтавской битве, которое дает П. Н. Крекшин: «Пребогатым убранством, и расписанные разными эмблемами, между которыми изображен орел (герб Российский), налетающий на слона (шведские фрегаты)»[6].

Маскарады и фейерверки являлись составной частью любого викториального праздника. Фейерверки своими эффектами и грандиозностью поражали не только русских, но и иностранцев. П. Н. Крекшин также описывает фейерверк, который состоялся 1 января 1704 г. по случаю взятия Нотебурга[7]. Театр фейерверка занимал пространство шириной и глубиной в 100 аршин и находился на возвышении со спуском в 6 ступеней. Представление началось с того, что был зажжен находившийся в центре «государственный орел», символизирующий Россию. В «крилах своих» и «единой когте» он держал изображения Белого, Каспийского и Азовского морей. Орел горел более получаса «разными огнями». За это время к нему приблизилась ладья-повозка с находившимся там Нептуном, который четвертое море (изображение Балтийского моря) «великому орлу в когти дает». Вслед за орлом «горели разными и удивительными огни» два больших щита с надписями, объясняющими зрителям, что завоеванные земли исконно русские.

Маскарады являлись великолепным зрелищем Петровской эпохи. В «Описании маскарада, состоявшегося в Санкт-Петербурге в 1723 г.» дается представление о необыкновенном многообразии костюмов и масок. Подданные Петра предстали в платьях заморских министров – немецких, венецианских, китайских, индийских, венгерских, японских. Элементы маскарада – обход Пирамиды на Троицкой площади, смотр судам, прогулки на судах – являются типичными для подобного рода увеселений.

Новое содержание Петр вкладывал и в традиционные праздники. Так в 1699 г. в праздник Богоявления Петр участвовал в Крестном ходе на водосвятие в Москве в качестве капитана Преображенского полка (а не в царском облачении, как было раньше) и шел вместе с полком и музыкантами. Около «Иордании» был устроен высокий стол, на котором стоял человек, державший царское знамя. Знаменосец несколько раз наклонял знамя, которое по погружении креста в воду окроплялось святой водой. После Петра водосвятие в присутствии войск, имеющее главной целью освещение знамен, совершалось везде, где располагались воинские части.

Викториальные праздники носили массовый характер с той лишь оговоркой, что простой люд Петербурга и Москвы являлся сторонним наблюдателем, а не непосредственным участником: ему дозволялось присутствовать на викториальных торжествах, в аллегориях которых он ничего не мог понять, лицезреть всевозможные маскарадные шествия, символика которых была ему недоступна. Для Петра главным объектом воспитания являлось дворянство, и он стремился перевести их мышление в европейскую мифологическую систему. Для простого народа в дни викториальных торжеств на Троицкой площади выставляли ушаты вина и водки, целые жареные туши свинины. Как отмечает Ф. Берхгольц, «по данному знаку, толпившиеся на площади люди бросались на царское угощение… даровое угощение обходилось очень дорого: в давке многие лишались одежды, а иные платились тяжкими увечьями, даже жизнью… Мастеровые, рабочие, крестьяне… разбивались на две стенки и по старине вступали в кулачный бой»[8]. Ф. Берхгольц делает интересное замечание, что полиция не препятствовала устроению этих побоищ, и иностранцы думали, что кулачный бой допускается для приучения народа к бесстрашию на войне.

Петру I мы обязаны и появлением в России таких праздников, как 1 апреля и 1 мая. Апрель-

ский обычай обманывать становится известным с начала XVIII в. Содержатель труппы немецких комедиантов в Москве объявил, что 1 апреля состоится представление и он влезет в обыкновенную столовую бутылку. В назначенный день на сцену вынесли сделанную из картона огромную бутылку с надписью «1 апреля», в которую не представляло труда влезть комедианту. Первомайский праздник очень легко привился в городской народной среде, поскольку был связан с весенними представлениями о пробуждении природы.

Петра I следует считать и основателем театрального дела в России. В 1702 г. Петр распорядился воздвигнуть в центре Москвы на Красной площади «комедиальную храмину» – первый публичный театр, на представления которого могли приходить все желающие. Истоки русского театра уходят своими корнями в народное творчество: это, прежде всего, языческие обряды, с помощью которых люди надеялись обеспечить своевременное наступление весны, удачу на охоте и т.д. В средневековой Руси хранителями языческих «театрализованных» традиций являлись скоморохи, которые веселили народ: пели, плясали, балагурили, разыгрывали сценки, играли на музыкальных инструментах и лицедействовали. Результатом развития новых тенденций в русской культуре XVII в. явилось образование Придворного театра царя Алексея Михайловича.

Такие исследователи, как А. Н. Робинсон и В. В. Бычков, считают, что исторически такой театр мог появиться в России как государственный придворный театр, который призван был подготовить почву для утверждения идеологии русского абсолютизма[9]. Театр просуществовал с 1672 по 1674 г., и такие постановки, как «Артаксерксово действо», «Олоферново действо», «Жалостная комедия об Адаме и Еве», «Темир-Аксаково действо», «Комедия о Бахусе с Венусом», напрямую связаны с формирующимся абсолютизмом и западноевропейским влиянием. Большая часть пьес, сыгранных на придворной сцене, была написана на библейские сюжеты, тем не менее театр решал задачу современного прочтения Библии. И. Грегори, очевидно, учитывал сходство событий комедий с тем, что происходило в это время при русском дворе: в верхах государства шла борьба боярских группировок, по-разному относящихся к усилению централизованной власти, к растущим связям с Западом, к нововведениям, постепенно проникающим во все области русской жизни. Поэтому наиболее значительные постановки Придворного театра носили светский или даже политический характер и выражали идеологию абсолютизма, облекая ее в формы известных библейских преданий-мифов.

В отличие от своего отца, царя Алексея Михайловича, Петр стремился приобщить к театру самые широкие слои общества. Ходить в театр было «повольно» всем, так как плата была незначительной. По замыслу Петра, театр «должен был разъяснять всенародному множеству истинный смысл деяний преобразователя»[10], прославлять Российское государство, воспевать победы русского оружия и одновременно являться формой разумного развлечения. Представления в театре давала немецкая труппа И. – Х. Кунста. Цены на билеты были незначительными, но, несмотря на это, публика ходила в театр неохотно. Причиной непопулярности театра была его оторванность от русской жизни, на сцене в основном ставились пьесы немецких драматургов XVIII в. Петр, пригласив труппу, рассчитывал на то, что она не замкнется в своем традиционном репертуаре, а будет ставить спектакли агитационного содержания, раскрывающие смысл происходящих в политической и культурной жизни Российского государства событий. Однако эти требования оказались для труппы Кунста непосильными, и в 1706 г. ей было отказано в жаловании. Оказалась безуспешной и попытка Петра создать с помощью немецких комедиантов общедоступный театр в Петербурге в 1719 г.

Требования, предъявляемые Петром к театру, которые были непосильны для немецких трупп, в большой степени оказались под силу так называемым любительским или самодеятельным театрам. В первую очередь к такого рода театрам можно отнести школьные театры.

На сцене театра при Славяно-греко-латинской академии и Московского театра Хирургической школы были поставлены пьесы по горячим следам последних политических событий, которые имели определенное пропагандистское значение. Такие действа школьного театра Славяно-греко-латинской Академии, как «Торжество мира православного» и «Свобождение Ливонии и Ингерманландии», были посвящены победам России в Северной войне. В действе «Божие уничижителей… гордых уничижение» развивалась тема греховности неповиновения властям. На сцене Хирургической школы особенно значительно было панегириче-

ское триумфальное действо «Слава Российская», написанное ее учеником Ф. Журовским. В действе вообще отсутствует религиозная тема, автор, воспевая укрепление русского государства, использует не библейские, а мифологические образы Марса, Купидона, Нептуна и т.д. Следует отметить, что в панегирических драмах, разыгрывавшихся на сценах Академии и Хирургической школы, наблюдалось нагромождение аллегорий и символов, не всегда понятных рядовому зрителю.

Существовала определенная связь между викториальными праздниками и школьными драмами. Сцены и композиции триумфальных ворот, шествий и фейерверков перекинулись в школьные действа: отдельные картины, символы и аллегорические изображения, красовавшиеся на Московских триумфальных воротах, воспроизводились иногда в драмах Академии. И, наоборот, в устройстве викториальных праздников использовались те же самые композиции и аллегории, что и в театре, «а нередко применяли уже готовые театральные декорации»[11].

К любительским театрам относится и театр сестры Петра I Натальи Алексеевны. В 1706 г. она устраивает театр в подмосковном селе Преображенском, а в 1714 г. создает театр и в Петербурге. Царевна сама занималась постановкой, писала пьесы, где преобладали политические и нравоучительные тенденции. Так Х. Вебер, посетивший одно из ее представлений, в котором осуждалось неповиновение властям, сообщает в своих «Записках», что под конец спектакля вышел оратор, объяснивший историю представленного действа и «обрисовавший в заключение гнусность возмущения и бедственный всегда исход оного»[12]. В пьесах Натальи Алексеевны воспевались также деяния Петра, его нововведения, в виде «забавных игралищ» (коротких представлений) высмеивались пороки духовенства, взяточничество и алчность чиновников. В пьесе «Петр златые ключи» красной нитью проходила мысль о пользе поездок молодых людей за границу для обучения.

Вся деятельность «всешутейшего собора» имела самодеятельный характер. Так А. Крюгер считает, что, «если мы в своем обзоре проявлений самодеятельного театра, расположим их по степени театральности, то, начиная от костюмированной единицы – „виташия“, постепенно через маскарад придем к возникновению целого штата постоянных любителей театральной организации в лице „всепьянейшего и всешутейшего собора“, к концу своей жизни имевшего уже целые „действа“ с твердым текстом для ряда действующих лиц в понимании театральном…»[13]. «Виташий» поистине представлял собой театральную фигуру, поскольку одет был в длинный балахон, «на голове – шляпа с четырьмя огромными рогами, в руках – машина, сделанная в виде колбасы»[14]. По словам Ф. Берхгольца, «виташий» совмещал роль придворного полушута с должностью «оберкнутмейстера» (старшего палача), лично распоряжавшегося при допросах и пытках государственных преступников. Для Петровской эпохи подобного рода ситуация являлась типичной. Петр постоянно смешивал серьезное и шутовское, преследуя тем самым определенную цель. Значительное количество придворных дураков служило в царской полиции.

Смешение серьезного и шутовского особенно ярко проявляется в деятельности «всешутейшего собора», где смехотворные графы и патриархи совмещали и перемешивали свои шутовские должности и атрибуты с ответственными государственными постами и должностями. Так шутовской князь-папа Никита Зотов был хранителем государственных печатей, а его заместитель князь-кесарь Федор Ромодановский заведовал тайной полицией. Какую же цель преследовал Петр, смешивая серьезное и шутовское?

С помощью «всешутейшего собора» Петр стремился сформировать новый взгляд на веселье и развлечения, внушить мысль, что «разгул», «шумство» – обыкновенная вещь, веселиться можно где угодно и когда угодно, и это не считается греховным. В праздниках допетровской Руси человек как бы принимал определенные правила игры, которые позволяли ему делать то, что в реальном мире делать невозможно, греховно. Только в игровом, смеховом мире «антикультуры» могла наблюдаться спутанность всех значений, где кабак заменял церковь, «бесовство» – благочестие, где наблюдалось надевание рваных одежд, одежд наизнанку, мехом наружу. Д. С. Лихачев характеризует этот мир как мир перевернутый, реально невозможный, абсурдный[15]. «Всешутейший собор» был необходим Петру для утверждения нового взгляда на веселье и развлечения. Преобразователь стремился стереть границу между «смеховым» и реальным миром.

С точки зрения человека с традиционным сознанием, Петр распространил мир «антикультуры» за отведенные ему рамки и тем самым разрушил традиционный порядок празднования. Праздник в допетровской Руси как бы состоял из двух частей: вначале молитвенное предстояние, торжественные процессии, а затем – различные «бесовства», скоморошьи игры и забавы. В первой части праздника человек находился в мире культуры, так как следовал установленным нормам христианского благочестия и благолепия. Во второй же части праздника человек попадал в мир «антикультуры», где христианские ценности воспринимались в перевернутом виде. Петр же намеренно разрушил границу между этими мирами для того, чтобы противопоставить старинной праздности «новую» праздность. Если в допетровской Руси, после Рождественского поста с молчаливого разрешения церкви на святках происходили различного рода переодевания, «бесовства» и веселье, которые в сознании древнерусского человека противопоставлялись миру культуры, то в Петровскую эпоху граница между двумя мирами разрушается. Так В. О. Ключевский в описании празднования святок в Петровскую эпоху очень точно проиллюстрировал смешение церковного и пародийного ритуала: «Бывало, на святках компания человек в 200 в Москве или Петербурге на несколько десятков саней на всю ночь до утра пустится по городу „славить", во главе процессии шутовской патриарх в своем облачении, с жезлом и в жестяной митре; за ним сломя голову скачут сани, битком набитые его сослужителями, с песнями и свистом. Хозяева домов, удостоенных посещением этих славельщиков, обязаны были угощать их и платить за славление»[16]. Такой же трансформации подверглись и другие традиционные праздники.

В конце 1718 г. верхи петербургского общества были извещены о введении ассамблей. Петр побывал во французских гостиных, в которых собирались и вели беседы выдающиеся деятели науки, искусства и политики, и у него созрел план организации ассамблей в России. Вводя ассамблеи, Петр преследовал две главные цели: приобщение русских женщин к общественной жизни и приучение высшего сословия к формам времяпровождения, распространенным в западных странах. При организации новой формы общения и развлечений преобразователь использовал не только практические, но и теоретические достижения Западной Европы. Как отмечает А. М. Панченко, для людей XVII–XVIII вв. одной из самых авторитетных была энциклопедия Генриха Альштеда[17]. Знания Альштед подразделял на науки и искусства, где последние делились на свободные и механические. К механическим искусствам, согласно энциклопедии, и принадлежит искусство развлечения, где можно все расчислить, измерить и подчинить правилам. Этот принцип механических искусств и положил в основу ассамблей Петр.

Ассамблеи бдительно опекала петербургская полиция. Представление о монарших правилах дает распоряжение петербургского обер-полицейместера Девиера «О порядке собраний в частных домах, и о лицах, которые в оных участвовать могут»[18]. В данном распоряжении определено, какие чины могут быть допущены на ассамблеи, дан перечень правил и распорядок, которому должны следовать все присутствующие.

За несколько часов до съезда гостей полицейместер приезжал в дом, назначенный для ассамблеи, и осматривал комнаты, выделенные для приема. Писари, которых с собой привозил полицейместер, записывали фамилии тех, кто приезжал. Присутствие лиц, указанных в списке, было обязательным, и только одна болезнь извиняла отсутствующих. Обыкновенно сам Петр назначал, в чьем доме должна быть ассамблея, а затем дальнейшее их назначение зависело: в Петербурге от обер-полицейместера, в Москве – от коменданта. Прежде чем гости расходились с одной ассамблеи, им объявлялось, где будет следующая.

Танцы занимали первое место среди развлечений на ассамблее. Начинались они, как правило, польским, за которым следовал менуэт, а далее сам Петр объявлял придуманный им самим «гросфатер». В нем участвовало много пар, и руководил ими «маршал», выбранный «царицей» ассамблей. Под звуки печальной мелодии пары медленно двигались друг за другом. По взмаху «маршальского» жезла, оркестр переходил на веселую музыку, и дамы оставляли своих кавалеров и выбирали себе новых из числа сидящих в зале. Брошенные же кавалеры ловили убегающих с криком и визгом дам. Когда «маршал» опять взмахивал жезлом,

то начиналась прежняя печальная мелодия, и пары выстраивались в ряд. Кавалеры, которые оставались без дам, штрафовались кубком «Большого» или «Малого орла». Петр сам очень хорошо танцевал и часто принимался за обучение своих подданных. Ф. Берхгольц в своем «Дневнике» рисует его образцовым учителем: «Он проделывал па во главе шеренги кавалеров, и те должны были в точности повторять его движения. Это немного напоминало плац-парад, но подобное сходство могло только нравиться государю»[19].

Петр вывел женщину из терема «в свет», забывая, что она не может сразу же, в один момент, расстаться с домостроевским укладом жизни. С. Н. Шубинский отмечает, что русские боярыни и боярышни были смешны и неуклюжи, «затянутые в крепкие корсеты, с огромными фижмами, в башмаках на высоких каблуках, с пышно расчесанною большей частью напудренною прическою, с длинными шлейфами, они не умели не только легко и грациозно вертеться в танцах, но даже не знали, как им стать и сесть»[20]. Еще сложнее дело обстояло с непринужденным и свободным общением с мужчинами. Ф. Берхгольц замечает в этой связи, что дамы беседовали с ними только во время танцев, в остальное же время сидели отдельно и «таращили друг на дружку глаза»[21].

Петр старался европеизировать поведение дворян на ассамблеях и тем самым, не подозревая об этом, усилил архаические черты. Старое дедовское причудливо мешалось с новым, московское «варварство», выраженное в «питие непомерном» и диких поступках, уживалось рядом с европейским «политесом». Европейское начало сказывалось больше внешним образом, а московская старина (в отрицательном ее проявлении) частенько выбивалась из внешнего лоска и давала о себе знать действиями и выходками грубыми, несдержанными. Все подражали манерам Петра, которому не хватало необходимых качеств, требовавшихся взятой им на себя ролью: ему самому следовало бы быть более светским человеком, его манеры и шутки не отличались ни особой вежливостью, ни обходительностью. Так, взявшись распоряжаться танцами, он иногда пускался в тяжелые, неуклюжие шутки: ставил в ряды танцующих самых молодых дам, дав им в партнеры дряхлых стариков, и сам становился в первой паре. Все танцующие кавалеры обязаны были повторять движения за государем. Ф. Берхгольц описывал, что Петр выделывал такие «каприоли», которые составили бы честь лучшим европейским балетмейстерам того времени, тогда как набранные им старые танцоры насилу двигали ноги[22]. Старики путались, задыхались, у некоторых кружились головы, другими овладевали припадки одышки, некоторые не выдерживали и валились на пол. Рассердившийся Петр приказывал прекратить музыку и объявлял, что «если кто теперь собьется, тот выпьет большой штрафной стакан»[23].

Иностранцев на ассамблеях окружали почетом в присутствии государя, но стоило ему отвернуться, с них срывали парики[24]. Самые грубые шутки были в ходу и никого не смущали.

Ассамблея выполняла роль школы, в которой дворяне обучались европейской культуре. По наблюдениям Ю. М. Лотмана, для русского дворянина Петровской эпохи быть европейцем – это значит отличаться от крестьянской жизни, что выражалось в одежде, прическе, манерах[25]. И это можно сделать путем обучения европейской культуре. Петр понимал, что обучить своих подданных новой культуре с помощью одних только угроз и указов невозможно, поэтому под его непосредственным руководством выходили пособия по обучению «правильному поведению». С этой целью распространялась книга «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению». Изучение данного текста интересно с точки зрения рассмотрения процесса адаптации европейской культуры на русской почве. Так книга внушала, что благовоспитанный молодой человек должен отличаться тремя добродетелями: приветливостью, смирением и учтивостью. Чтобы пользоваться успехом в обществе, он должен владеть иностранными языками, уметь танцевать, ездить верхом, фехтовать, быть красноглаголивым и начитанным и т.д. В заключение перечислялись 20 добродетелей, которые украшают благородных девиц[26]. Интересно, что наряду с вышеизложенными рекомендациями давались и следующие советы: «Обрежь свои ногти, да не явятся оные бархатом обшиты… Не хватай первой в блюдо и не жри как свинья… Не сопи, когда яси, ногами везде не мотай, не облизывай перстов, не грызи костей. Зубов ножом не чисти… Часто чихать, сморкать и кашлять не пригоже… Ежели с кем танцуешь, то неприлично в круг плевать,

но на сторону»[27]. Подобного рода соединение несопоставимых рекомендаций и советов очень характерно для культуры Петровской эпохи и показательно при выявлении ее противоречий.

Ассамблеи, которые также проходили по особому регламенту, Петр устраивал и в Летнем саду. Летний сад, получивший свое название от дворца, был распланирован по всем правилам западноевропейского искусства: с прямыми дорожками, стриженной зеленью кустов и деревьев, затейливыми узорами цветников и газонов. П. Свиньин писал о нем в начале XIX в.: «Сад сей разведен в голландском вкусе, что должно заключать из прямых линий, пересекаемых тупыми и острыми углами. Большие аллеи обсажены высокими липами и кленом, а прочие акациею. Во внутренности их наделаны небольшие лабиринты, зеленые лужайки, лесочки и цветники»[28]. При Петре Летний сад был гораздо больше ныне существующего: он тянулся от Невы и до Инженерной улицы.

Перестраивая русский быт, Петр большое значение придавал садовому искусству и посылал за границу обучаться ему. Он отлично понимал, что сад имеет не просто архитектурное значение, а прежде всего просветительское и воспитательное. По замыслу Петра, Летний сад должен был стать одновременно местом и ученья, и потехи. Тем самым преобразователь отошел от древнерусской традиции, согласно которой «ученью время, потехе час». Об этой особенности Петровской эпохи, когда между серьезным и шутовским стиралась граница, говорилось выше. Петр установил в своем саду скульптуры античных богов и богинь, бюсты императоров и героев, скульптуры, иллюстрирующие басни Эзопа, с помощью которых приучал своих подданных к европейской символике. Как отмечал С.Н. Шубинский, «император любил собирать гуляющих и сам объяснял им смысл содержания басен»[29].

В назначенный для гулянья день на одном из бастионов Петропавловской крепости с утра выставлялся желтый флаг с изображением орла, державшего в когтях четыре моря. Вечерний выстрел из пушки служил сигналом для приглашенных: немедленно следовало спешить на гулянье в сад. Гости прибывали на лодках и попадали в сад через нарядные деревянные галереи, служившие одновременно пристанями и приемными залами, где накрывались столы со сластями, закусками и где проходили танцы. В.О. Ключевский писал, что государь потчевал гостей, как радушный хозяин, но порой его хлебосольство становилось хуже демьяновой ухи: «Бывало, ужас пронимал участников и участниц торжества, когда в саду появлялись гвардейцы с ушатами сивухи… причем часовым приказывалось никого не выпускать из сада. Особо назначенные для того майоры из гвардии обязаны были потчевать всех за здоровье царя, и счастливым считал себя тот, кому удавалось какими-либо путями ускользнуть из сада»[30]. Те, кто не попадал в число приглашенных, могли в качестве зрителей наблюдать веселое гулянье. По Неве сновали лодки с качелями, с которых можно было наблюдать за действом, и их владельцы предлагали свои услуги.

По принципу механических искусств Петр организовал и еще одно развлечение для высшего общества – катания по Неве. Жителям Петербурга «для увеселения народа, наипаче же для лучшего обучения и искусства по водам и смелости в плавании»[31] были розданы из казны парусные и гребные суда. Катания проходили по особому регламенту. В петровском указе строго определялось место катания, одежда, в которой надлежит явиться приглашенным и давались предписания о времени сбора: «В указанный час должен Коммисар в местах флаги поднять… А когда указано будет выехать, кроме определенных дней, тогда тот же знак учинить, да один выстрел из пушки с города; тогда тотчас всякому ехать в назначенное место и явиться к Коммисару…»[32].

В указе сообщалось, что «на сей экзерциции вольны хозяева быть или не быть», однако здесь же Петр предупреждал не совсем сознательных подданных, что «не более двух дней в месяце не быть, разве для какой законной причины»[33]. Петр предусмотрел и возможность нарушения установленных правил, поэтому предостерегал катающихся: «За преслушание же и на сих судах, також штраф быть, как и с парусных»[34]. Собрание этих судов называлось Невским флотом, а командующий над ним – Невским адмиралом. В хорошую погоду такие катания по Неве с волторнистами и музыкантами были очень приятны, но иногда увеселительная прогулка грозила превратиться в катастрофу. Так Ф.-Х. Вебер знакомит нас с одним из путешествий, в котором принимал участие дипломатический корпус в мае 1715 г.: «9-го царь от-

правился, куда мы последовали за ним в галере, но вдруг поднявшаяся буря заставила нас провести два дня и три ночи на этом открытом судне без огня, без постелей и без провизии»[35].

Зимой Петру приходилось отказываться от таких прогулок, но по его приказу был прорублен во льду Невы перед дворцом канал и почти каждый день он катался здесь на весельном катере. Любил он также катанье на буерах, поставленных на полозья и управлявшихся парусами. Каждый праздник целая вереница таких суденышек-саней скользила по льду Невы и мчалась в Петергоф.

Таким образом, основание Петром новых направлений культурно-досуговой деятельности способствовало сближению русской и европейской культур. При всех противоречиях и издержках европеизации в Петровскую эпоху, она дала толчок для дальнейшего развития русской культуры. От внешнего восприятия западноевропейской культуры русские дворяне постепенно переходили к изучению ее внутренних закономерностей, что, в свою очередь, открыло для них и уникальность своей собственной культуры.

Примечания

[1] Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л.: Наука, 1991. С. 143–144.

[2] Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. № 3159. С. 541.

[3] Крекшин П. Н. Описание лет и преславных высокоторжественн ии. М., 1704. Л. 6 об.

[5] Ровинский Д. А. Обозрение иконописания в России до конца XVIII в. Описание фейерверков и иллюминаций. СПб.: А. С. Суворин, 1903. С. 181.

[6] Крекшин П. Н. Указ. соч. Л. 161.

[7] Там же. Л. 173.

[8] Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца, 1721–1725. М.: Универ. тип., 1904. Ч. 4. С. 68.

[9] Бычков В. В. Русская средневековая эстетика XI–XVII вв. М.: Мысль, 1995; Робинсон А. Н. Ранняя русская драматургия. М.: Наука, 1972.

[10] Тихонравов Н. С. Русские драматические произведения 1672–1722 гг. СПб.: Д. Е. Кожанников, 1874. Т. 1. С. 141.

[11] Там же. С. 529.

[12] Вебер Х. Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях, в переводе и с примечаниями П. П. Барсова // Рус. арх. 1872. № 7. Стб. 1424.

[13] Крюгер А. Самодеятельный театр при Петре I // Старинный спектакль в России. Л., 1988. С. 347.

[14] Берхгольц Ф. В. Указ. соч. 1902. Ч. 1. С. 167.

[15] Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л.: Наука, 1976.

[16] Ключевский В. О. Исторические портреты: деятели ист. мысли. М.: Правда, 1990. С. 184.

[17] Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры. М.: Языки рус. культуры, 1996. Т. 3, ч. 1. С. 165.

[18] Крекшин П. Н. Указ. соч. Л. 598–599.

[19] Берхгольц Ф. В. Указ. соч. 1903. Ч. 3. С. 198.

[20] Шубинский С. Н. Первые балы в России // Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы. М.: Моск. рабочий, 1995. С. 26.

[21] Берхгольц Ф. В. Указ. соч. 1902. Ч. 2. С. 71.

[22] Там же. Ч. 1. С. 160.

[23] Там же.

[24] Юль Ю. Записки Юста Юля датского посланника при Петре Великом. М.: Универ. тип., 1899. С. 93.

[25] Лотман Ю. М., Успенский Б. И. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры // Тр. по рус. и славян. филологии. Тарту, 1977. Т. 28.

[26] Юности честное зерцало, или Показания к житейскому обхождению: собрание от разных лет. М.: Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, 1976.

[27] Там же. С. 34–38.

[28] Цит. по: Лихачев Д. С. Поэзия садов. СПб.: Наука, 1991. С. 130.

[29] Шубинский С. Н. Летний сад и летние петербургские увеселения при Петре Великом. СПб.: Тип. Акад. наук, 1864. С. 2.

[30] Ключевский В. О. Указ. соч. С. 182.

[31] Князьков С. А. Санкт-Петербург и Санкт-Петербургское общество при Петре Великом. СПб.: Тип. Луковникова, 1914. С. 64.

[32] Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. № 3193. С. 560.

[33] Там же.

[34] Там же. С. 561.

[35] Валишевский К. Ф. Петр Великий. Кн. 3. Дело. Репринт. воспроизведение изд. 1911 г. М.: ИКПА, 1990. С. 202.